

Изъ жизни искусства.

I.

Открытие свободного театра въ Москвѣ.

Флагъ поднять. Ярмарка открыта, и на сей разъ даже не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ свободный театръ открылъ свой первый сезонъ именно „Сорочинской ярмаркой“ оперой Мусоргскаго на сюжетъ гоголевской повѣсти.

О свободномъ театрѣ такъ много говорилось, отъ него такъ много ждуть, что его дебютъ не можетъ не интересоватъ и провинціального читателя. Вотъ я посвящаю первому представленію этого театра мое первое письмо. Начну съ внѣшняости зрительнаго зала.

Впечатлѣніе отъ нея нѣсколько дисгармоничное и главный виновникъ этого сомовскій занавѣсъ съ рисункомъ или, вѣрнѣе, картиною, нашитомъ на сукно (апплика) изъ разноцвѣтныхъ кусковъ бархата и шелка. Изображена сцена какого-то представленія съ фигурами Арлекина и масокъ въ глубинѣ и дѣвы съ юношей на первомъ планѣ. Все это взято въ очень крупномъ масштабѣ, фигуры на первомъ планѣ взяты вдвое больше натуральной величины и въ результатѣ получилось нѣчто грубое по своей красочной силѣ и пестротѣ. Этотъ занавѣсъ увеличенный въ нѣсколько сотъ разъ маленькая виньетка и въ этомъ маленькомъ видѣ она была бы вѣроятно даже красива, но на большемъ занавѣсѣ огромные куски сплошной яркой матеріи, вырѣзанной по формѣ рукъ, ногъ и дѣлныхъ костюмовъ, производятъ впечатлѣніе красочныхъ кляксъ. На бѣду еще театръ очень невеликъ и скромно окрышенъ въ бѣлый цвѣтъ съ дубовыми бордюрами ложъ, такъ что занавѣсъ кажется еще грубѣе.

Когда съ началомъ увертюры его убрали и на его мѣстѣ остался другой съ сплошного песочнаго цвѣта, то въ зрительномъ залѣ глазу сразу стало покойнѣе.

Во время дѣйствія зрительный залъ не погружается въ темноту. Въ обояхъ ярусахъ ложъ въ карнизѣ потолка скрыты голубыя лампочки, заливающія и ложи [отраженнымъ свѣтомъ партеръ] мягкимъ голубоватымъ свѣтомъ. Эффектъ — хотя и напоминающій „лазурное“ освѣщеніе кинематографическихъ фойе, не во всякомъ случаѣ красивый.

Но вотъ зазвучала какъ бы издали приближающаяся пѣсня лирика, раздвинулся занавѣсъ и передъ глазами открылась картина, малороссійскаго

пейзажа, съ мостикомъ черезъ рѣчку и нависшими надъ нимъ ветлами, въ тѣни которыхъ лежать и сидятъ, слушающая лирика, парубки. Проходятъ нѣсколько секундъ, и слѣва изъ-за кулисъ появляется толстый Черевикъ съ паромъ настоящихъ „сірыхъ волѣвъ“, настоящимъ возомъ и привязанною за нимъ тощю кобылою. Сразу чувствуется, что театръ пошелъ по пути ультранатуралистическаго направленія и ушелъ въ самое заправское мейнингенство.

Часть публики этого натурализма приводитъ въ такой восторгъ, что она даже не можетъ удержатъ одобрительныхъ возгласовъ, но за этимъ сейчасъ же слѣдуетъ и кара. Кобыла, взволнованная, выходитъ на сцену, поворачивается задомъ къ публикѣ, приподнимаетъ хвостъ и... продѣлываетъ то, что всегда при этомъ бываетъ. На нѣсколько секундъ зрительный залъ смущенъ, но дѣйствіе продолжается и обь инцидентъ скоро всѣ забываютъ.

Тѣмъ же сугубымъ натурализмомъ проникнута и слѣдующая картина — самой ярмарки. Кулисъ нѣтъ. Задняя завѣса полукругомъ огибаеъ сцену и создаетъ впечатлѣніе настоящаго воздушнаго простора. Вся сцена наполнена палатками торговцевъ и пестрою ярмарочною толпою. Все въ шумномъ движеніи и залито ослѣпительнымъ желтоватымъ свѣтомъ, дающимъ впечатлѣніе настоящаго солнца. Бросается въ глаза немного утрированная суетливостъ всей толпы, но это и понятно на первомъ представленіи. Пройдутъ два—три спектакля, и это сравняется. Такъ же реально, хотя и менѣе ярко, поставлены и остальные картины. Новаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ. Мейнингенцы показали все это еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ, а художественный театръ еще во „Власти тьмы“, и „Юліи Цезарь“ даже превзошелъ мейнингенцевъ, но для оперы это все-таки ново.

Главное же, театръ наглядно доказалъ, что музыкальное исполненіе можетъ не стѣснять пѣвца и что оное можетъ при этомъ свободно играть.

Достигнуть этого было, конечно, не легко, и хвала режиссерамъ свободнаго театра за это завоеваніе.

Сама опера, какъ музыка, производитъ впечатлѣніе именно легкой комической оперы.

Какъ всегда у Мусоргскаго въ ней много оригинальнаго и такого, что надо не только пѣть, но именно играть.

Мѣстный, малорусскій колоритъ въ ней очень яркъ.

Особенно же оригинальна партія участвующаго за Хиврею поповча Леонасія Ивановича. Моментами въ пѣніи въ селу ни къ городу, вдругъ начинается что-то звучать церковное и понятно, что это производитъ очень комическое впечатлѣніе. Партію эту исполняетъ Монаховъ и исполняетъ ее прекрасно, какъ настоящий хороший актеръ. Прочія партіи распределены такъ: Черевикъ — г. Дракули, Хивря — г-жа Макарова, Парася — Милявская. Грицко — Каратовъ и кумъ — Зинovieвъ. Исполненіе ими ихъ ролей такое, какого не приходилось видѣть въ оперѣ [исключая, разумѣется, Шалапина и кое-кого еще]. О голосовыхъ ихъ средствахъ судить по этой оперѣ трудно, но ихъ умѣнья пѣть быть можетъ этой оперою особенно и доказываются.

Впечатлѣніе спектакля на зрительный залъ было далеко не таково, какого, вѣроятно, ждалъ театръ.

Были аплодисменты и послѣ нѣкоторыхъ картинъ даже долгія, но все же это было далеко отъ той бури аплодисментовъ, какая раздавалась бывало въ этомъ же театрѣ, когда здѣсь Москвитинъ игралъ „Царя Эвдора“ или исполняли „Чайку“, „Дядю Ваню“, „Потомственный волокита“ и т. п. Театръ этотъ еще до открытія его, такъ раздували, что публика естественно ожидала чего-нибудь съ ногъ сшибательнаго, а увидала просто небольшую прекрасно поставленную комическую оперу.

Въ заключеніе вопросъ: чувствуется ли въ оперѣ и въ самомъ спектаклѣ Гоголь? Въ антрактахъ можно было слышать сѣтованія именно на то, что Гоголя было мало.

Не происходитъ ли, однако, это отъ того, что сама музыка во многомъ заслоняетъ Гоголя? Вѣдь то же самое и въ „Майской ночи“, а пожалуй и въ „Черевичкахъ“. Тамъ же, гдѣ у Мусоргскаго музыки нѣтъ и оставлены просто діалоги или рассказы кума о красной свиткѣ, тамъ Гоголь былъ во всей своей красѣ.

Какъ бы то ни было, а свободный театръ нельзя послѣ этого дебюта не приветствовать. Если уходя изъ театра, въ душѣ многіе внесли все-таки ощущеніе какой-то неудовлетворенности и пустоты, то не происходитъ ли это просто отъ того, что вообще не изъ всякаго забавнаго разсказа можно сдѣлать богатое интересомъ представленіе даже и при условіи, что оно будетъ хорошо иллюстрировано музыкою.

Сергій Глаголь.